

**XVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ САГОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«САГИ И ЦИРКУМБАЛТИЙСКАЯ АРЕНА»
(ХЕЛЬСИНКИ, ТАЛЛИНН, 7–14 АВГУСТА 2022)**

18TH INTERNATIONAL SAGA CONFERENCE *SAGAS AND THE CIRCUM-BALTIC ARENA* (HELSINKI AND TALLINN, 7TH–14TH AUGUST 2022)

Саговая конференция — главное событие в жизни мирового саговедения — обычно проходит раз в три года. Однако из-за пандемии за последней конференцией, прошедшей в 2018 г. в Рейкьявике, последовал более длительный перерыв, и даже весной 2022 г. было до конца не ясно, не отложится ли конференция ещё на год. В этом году конференция проходила сразу в двух городах, сначала в Хельсинки, а затем в Таллинне, куда участники переплывали на пароме. Часть докладов была в дистанционном формате, однако многие всё же смогли приехать очно, что — при всех обстоятельствах 2022 года — казалось настоящим праздником жизни. Особенностью событий такого масштаба является их неохватность: одновременно всегда шло от четырёх до шести секций, и послушать все доклады было невозможно. В этом отчёте я зафиксирую то, что мне удалось послушать, а также опишу основные темы секций; с развёрнутыми тезисами большинства докладов можно также ознакомиться в открытом препринте¹. Круглые столы и дополнительные мероприятия я оставляю за рамками отчёта.

За четыре дня конференции прошло три пленарных лекции по вопросам, часто возникающим в современном саговедении. Так, в первый день *Нил Прайс* поднял вопрос о необходимости и в то же время сложности междисциплинарного подхода к сагам. Хотя, как отметил Прайс, в современной скандинавистике с тезисом о необходимости междисциплинарного подхода никто не спорит, в реальности он применяется не так часто. Однако диалог между дисциплинами позволяет углубить наше понимание эпохи викингов, что, в свою очередь, создаёт основу для конструирования такого образа этой эпохи, какой был бы более близок к исторической реальности и в то же время учитывал бы специфику источников разных типов. По словам Прайса, конструирование подобного образа необходимо, так как эпоха викингов занимает заметное место в массовой культуре и привлекает особое внимание — в такой ситуации перед учёными стоит не только задача накопления знания, но и его обязательного донесения до массовой общественности. В качестве недавнего примера такого междисциплинарного взаимодействия, предполагающего влияние на массовое представление об эпохе викингов, Прайс

¹ Pre-Print Papers of the 18th International Saga Conference: Sagas and the Circum-Baltic Arena. Helsinki and Tallinn, 7th–14th August 2022 / Ed. by Frog, Joonas Ahola, Jess Barber, Karoliina Kouvola. Helsinki, 2022. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/346783> (05.11.2022).

привёл работу над фильмом, который в российском прокате получил название «Варяг» (*The Norseman*, 2022, реж. Роберт Эггерс).

Другая проблема, всегда встающая перед саговедами, — это изучение саг с учётом, с одной стороны, фольклора и устной культуры Древней Скандинавии, а с другой стороны — культуры записи саг и их переписывания. К устной культуре в своей лекции обратился *Стивен Митчелл*, который сделал обзор развития методов фольклористики, связанных с филологией, в XX в. и рассмотрел современные подходы в исследованиях фольклора, которые используются сейчас в саговедении (исследования памяти, этнография речевых актов, этнолингвистика, исследования форм исполнения древнесеверной поэзии и т. д.). В свою очередь, развитие одного из ключевых направлений современных исследований в области саговой письменной культуры представил *Харальдур Бернхардссон* в лекции о рукописной вариации. Харальдур презентовал свой проект, продолжающий его работу в рамках завершившегося большого проекта о вариации в рукописях «Саги о Ньяле»² — так как эта сага сохранилась в очень большом количестве рукописей из разных временных периодов, она позволяет проследить изменения исландского языка на уровне морфологии и синтаксиса с XIII в. вплоть до XVII в., когда отношение к сагам изменилось и их начали переписывать с целью сохранить как можно ближе к тексту.

Главной темой конференции этого года были саги в контексте циркумбалтийского региона³, что отразилось в тематических блоках докладов: были отдельные секции о «Саге о Йомсвикингах», «Саге о Гутах», о репрезентации саамов и финнов в сагах, о языковом и культурном взаимодействии в циркумбалтийском регионе и др. Кроме тематических секций были блоки и с традиционными сюжетами (эддическая поэзия, язык и поэтика саг, саги и история религиозных практик средневековых скандинавов и др.), и с популярными сейчас направлениями исследований (репрезентация «иног» в сагах, история эмоций, гендерные исследования, экокритический подход, рецепция саговых образов и сюжетов в современных медиа и др.).

Об эддической поэзии в этом году была всего одна специальная секция, которая открылась докладом *Микаэля Мэйлса* о критериях датировки поэм «Старшей Эдды». Мэйлс начал с ключевой проблемы датирования поэм: всегда стоит вопрос о том, является ли поэма ранней или же это сочинение XII в., известного своим антикварным интересом к прошлому. Задачу датировки решают либо с помощью

² Результаты проекта см. в сборнике: *New Studies in the Manuscript Tradition of Njáls saga: The historia mutula of Njála* / Ed. by E. Lethbridge, Svanhildur Óskarsdóttir. Kalamazoo, 2018.

³ Термин «циркумбалтийский регион» в русскоязычной скандинавистике был предложен Г. С. Лебедевым для описания общих процессов не только в странах, непосредственно прилегающих к Балтийскому морю, но и в Северо-Западной Руси (*Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.). М., 2018. С. 9*). В данном контексте этот термин также используется расширительно.

анализа содержания, либо с помощью анализа языка или метра поэмы. По мнению Мэйлса, проблемой современной скандинавистики является то, что эти критерии обычно не сочетаются между собой, поэтому в докладе он предложил при датировке сначала смотреть на лингвистические и метрические маркеры, указывающие на раннее сложение поэмы, а затем на то, есть ли в поэме содержательное единство — при сочетании этих критериев её можно было бы датировать как раннюю. В качестве примера Мэйлс рассматривал поэму «Речи Высокого», которая, по его мнению, была составлена целиком до 1000 г. н.э. За Мэйлсом выступил Джеймс Паркхаус с докладом о риторической функции устойчивой связки лексем *veidr* и *vega* в эддических поэмах. Его доклад вызвал дискуссию о том, как именно такие связки стоит называть, формулами или же коллокациями, как было у Паркхауса — Даниэль Севборг согласился, что термин «коллокация» в случае его материала работает лучше. Последний доклад в эддической секции, сделанный Клаусом Йоханом Мирволем, был посвящён критике последней интерпретации рунической висы на камне из Рёка. В последнее десятилетие на основе переинтерпретации одной лексемы в висе была выдвинута гипотеза о том, что в висе отражается беспокойство автора о климатических изменениях — эту гипотезу Мирволь подробно раскритиковал, прибегая к многочисленным лингвистическим аргументам, и вернулся к традиционной интерпретации, согласно которой автора висы интересовал не климат, а остготский король Теодорих Великий. Основное тёмное место в висе Мирволь предложил интерпретировать как след краткого аналогического выравнивания в парадигме существительного *strönd*, продлившегося с 800 по 850 г.

О «Младшей Эдде» был всего один доклад на секции о рукописях (тоже единственной за все дни конференции). В нём Фредерике Рихтер рассматривала трансформацию «Младшей Эдды» в бумажных рукописях XVII–XVIII вв., где в паратекстуальных элементах проявляется представление читателей того времени о своём прошлом, а функция «Младшей Эдды» раз за разом переосмысливается. На той же секции Дарья Глебова описывала нарративную стратегию составителя рукописи *Bajarbók á Raufasandi* (AM 73b fol., XIV в.), анализируя состав компиляции и рукописную вариацию в одной из её частей, «Саге о Бьёрне, герое долины реки Хит», а Алиса Валтола-Уолкер — структуру сборников саг о древних временах XV в. Здесь же, в контексте исследований рукописей, следует упомянуть доклады Тома Лоренца о псалтири-палимпсесте AM 618 4to и Тордис Эдды Йоханнесдоухттир о сравнении двух версий легендарной «Саги о Боси» (*Bósa saga*) — Тордис Эдда показала, что расхождения между версиями настолько велики, что более поздний вариант, сохранившийся в рукописях XVII в., можно считать отдельной, заново составленной сагой.

В секциях об истории дохристианских верований в Древней Скандинавии «Старшая» и «Младшая» Эдды рассматривались уже не сами по себе, но как источники. Были доклады, посвященные образам отдельных богов (Тор в «Песни о Харбарде» (*Hárbarðsljóð*), *Manu Braithwaite-Westoby*), образу мёда поэзии в эддической и скальдической поэзии (*Ann Sheffield*), о древнескандинавской космологии (*Eldar Heide; Jesse Barber; Jules Piet*) и воображаемом пространстве в «Младшей Эдде» (*Timothy Liam Waters*); *Ян Козак* обратился к образам Вёлуна и Одина, превращающихся в птиц, и выделил в рассказах о них общую мотивную структуру. Здесь же стоит упомянуть доклады о нехристианских верованиях Древней Скандинавии и их отражении в сагах и в близких им источниках. Так рассматривали образы фигур, специализирующихся на ворожбе: практика *seiðr* в сагах в контексте описаний волхвования в древнерусской «Повести временных лет» (*Leszek P. Stupecki*); «ангел смерти» у Ахмада ибн Фадлана как образ валькирии и вёльвы (*Gerður Halldóra Sigurðardóttir*); происхождение мотива прядения судьбы (*Grzegorz Bartusik*). Отдельная секция была посвящена описаниям практик первопоселенцев. Так, например, *Терри Ганнелл* рассматривал фольклорные параллели к практике исландских первопоселенцев бросать в океан столбы, которые должно прибить к берегу; на той же секции обсуждались и различные формы взаимодействия первопоселенцев между собой (*Audur Ingvarsdóttir; Cassidy Croci*). Несколько докладов было посвящено описанию жертвоприношений животных в сагах и в иных источниках (археология, исторические описания других традиций) (*Lesley Abrams; Klaudia Karpińska; Tonicha M. Upham*), а также различным культовым предметам (*Nancy L. Wicker; Timothy Nancarrow*).

На нескольких секциях обсуждались религиозные практики Скандинавии в эпоху христианизации и христианские тексты в древнесеверной книжности: обсуждались образ упадка природы после изгнания Адама и Евы из Рая по позднему древнеисландскому сочинению *Sethskvæði* (*Tiffany Nicole White*); представления средневековых исландцев о жизни язычников в аду после смерти (*Thomas Andrew Hughes*); формы насилия против священнослужителей, отражённые в сагах (*Elizabeth Walgenbach*); образ св. Биргитты (*Ella Le Peltier-Foschia*). Было также две отдельные секции, посвящённых активно развивающемуся сейчас изучению саг о епископах и житий святых, которые оказываются отличным материалом для самых разных исследований. Так, на материале чудес рассматривали, как средневековые исландцы воспринимали разного рода заболевания, как физические, так и душевные (*Natalie M. Van Densen*); кроме того, саги о епископах дают хорошую почву для анализа ситуаций, когда в средневековой Исландии похороны становятся очагом распри (*Ryder Patzduk-Russell*). Отдельное внимание было уделено восприятию чудес св. Олава в средневековой Скандинавии и Древней Руси (*Daria Segal*), текстологии саг о

Гудмунде (*Magnús Hauksson*) и функции переключения языкового кода в сагах о епископах (латынь-древнеисландский) (*Yekaterina Yakovenko*).

Обращусь к тематическим секциям и докладам. В двух секциях внимание было сосредоточено на образе финнов и саамов в сагах. Так, образ финнов (*finnar*) рассматривался в контексте воображаемой географии на примере и отдельных саг (*Andreas Schmidt*), и более обширного сагового корпуса (*Gaïa Perreault*); соответствующие упоминания в сагах были поставлены в контекст археологических находок, что позволяет увидеть некоторые подтверждения саговых свидетельств на уровне материальной культуры (*Sirpa Aalto & Anna Wessman*). Брент Джонсон проследил в сагах термины *finnar* и *lappir*, стремясь реконструировать отношение финнам и саамам в сагах; Том Грант рассмотрел образ «Снежного короля» (*Snær inn gamli*) в древнескандинавских источниках с особым вниманием к *Fundinn Noregr*. Этот последний источник был также в центре внимания доклада Бена Алморты. В свою очередь, Аларик Холл попробовал подойти к растительным образам в финских заговорных текстах в рамках экокритического подхода в поисках образа растений как агентов деятельности, однако в результате пришёл к выводу, что заговорные тексты не дают соответствующего материала. Специальный доклад был посвящён связи финнов в сагах с волшебством, к которой, как было отмечено, необходимо найти новый подход (*Gwendolyne Knight*). Отдельное внимание было также уделено культурным взаимодействиям в циркумбалтийском регионе — обсуждалась реконструкция столкновения разных языков во времена путешествия Олава Трюгтвасона в Гардарики (*Gunhild Kværness*), использование рунического письма в Финляндии и Польше (*Kendra Willson*), распространение схожих музыкальных инструментов у балтийских народов и в Великом Новгороде и их общее происхождение (*Andris Mucenieks*). Были также доклады о культурных контактах с народами за пределами обозначенного региона — о наёмных войсках в Скандинавии (*Beñat Elortza Larrea*) и о взаимодействии с мусульманами (*Eduardo Ramos*).

Несколько отдельных секций было посвящено сагам, где действие как раз происходит в циркумбалтийском регионе. В докладах о «Саге о Гутах» рассматривались параллели к саге и элементы, из которых складывается её нарратив (*Viktória Gyönki*), а также встречающаяся в ней генеалогическая модель «три брата в третьем поколении» в контексте других случаев её использования (*Frog*). Отдельная секция была также посвящена «Саге о Кнютлингах», где рассматривалась её текстология (*Alexandra Petrulovich*), а также представленный там материал, касающийся военных столкновений на границах внутри циркумбалтийского региона (*Jakub Morawiec*), и образ конунга Магнуса Доброго (*Marta Rey-Radlińska*). Ещё на двух секциях обсуждалась «Сага о Йомсвикингах»: её сравнивали с «Парцифалем»

Вольфрама фон Эшенбаха (*Annette Volging*) и с королевскими сагами (*Lucie Korecká*); рассматривали её стиль в контексте других саг (*Anna Katharina Heiniger*); анализировали её переводы на английский язык (*John Kennedy*). Большую дискуссию вызвали доклады *Джонатана Корреа-Реаса* и *Роланда Шиль*. Корреа-Реас проанализировал различные модели передачи власти, представленные в саге, и участники дискуссии (Торви Тулиниус, Роланд Шиль) отметили, что этот подход стоило бы применить и к другим сагам о легендарном прошлом, чтобы лучше понять, как исландцы XIII в. представляли себе структуры власти. В свою очередь, Роланд Шиль представил доклад о близких параллелях между правилами йомсвикингов и законами норвежского двора *Hirðskrá*. Отмечу, что законам было посвящено ещё две отдельных секции. Законы рассматривались как элемент в построении сагового повествования (*Ela Sevcikova*), как ключ к реконструкции социальной системы Средневековой Исландии в аспекте различных форм труда (*Santiago Barreiro*), а также как способ увидеть механику оскорблений и понесенного из-за них ущерба (*Sean Lawing*).

Много внимания было уделено образу «другого» (*the Other*) в сагах. Были отдельные доклады, где как «иные» рассматривались образы представителей нескандинавских народностей в сагах, таких как финны (см. выше) или, например, славяне (*Carina Damm*); анализировались нарративные функции путешествий героев саг в «другие» миры (*Michael Micci*). На одной из секций обсуждались разные аспекты репрезентации «другого» в сагах о древних временах: *Glæsivellir* как иное пространство (*Virginie Adam*); восприятие героев с другим цветом кожи на примере Гудмунда с кожей цвета Хель (*Heljarskinn*) (*Jacob Bell*); проблемы терминологии при описании мира в легендарных сагах на примере «Саги об Озде Стреле» (*Jonas Zeit-Alt peter*). На другой секции разговор шёл в основном об «иных» в так называемых постклассических и переводных сагах: *Ребекка Меркельбах* описала пространства, где в постклассических сагах пребывают «другие» (монстры и маргинализированные группы, в том числе саамы); *Бэйзил Арнольд Прайс* предложил рассматривать образ героя «Саги о Финнбоги сильном» в рамках квир-теории, а *Наташа Брэдли* показала, как при переводе латинской истории Тита Ливия в *Rómverja saga* меняются некоторые детали описания персонажей женского пола как «иных» — если колдуны мужчины описываются так же, как в оригинале, то образы колдующих женщин в переводе доместифицируются и их описания изменяются на традиционные для саг. Это наблюдение любопытно сочетается с передачей женских образов в древнесеверном переводе романа Кретьена де Труа «Ивейн, или Рыцарь со львом» — как показала *Холли Макартур*, образ Люнетты, дающей советы, передаётся в отличие от других женских образов очень близко к оригиналу, что, по мнению Макартур, может объясняться подготовленностью древнесеверной аудитории к такому образу,

благодаря женским образам в сагах о древних временах. Гендерный аспект был отражён также в докладах о гендере и эмоциях (отличия в репрезентации гендера и эмоциональных реакций персонажей в оригинале и в древнесеверном переводе романа *Partonpeau de Blois* (*Meritxell Risco de la Torre*)) и об образах женщин в сагах и в их дальнейшей рецепции: в контексте саг о древних временах (*Valerie Broustin & Rudolf Simek*), в викторианских травелогах (*Sofie Vanherpen*) и в постклассических сагах (*Anne Lind*). Женские образы, в частности образы ведьм, анализировались также в сагах и в норвежском фольклоре (*Clare Mulley*); рассматривались методологические проблемы, связанные с анализом фигур женщин-воительниц (*Miriam Mayburd*).

Две секции были посвящены истории эмоций — направлению, активно развивающемуся в саговедении в последние 15 лет. Рассматривались репрезентация страха в сагах (*Teodoro Manrique Antón*); контексты, в которых возникают образы сердца и груди в скальдической поэзии (*Edel Porter*); изображение болезни и связанных с ней эмоций (*Caroline Batten*); изображение изнасилования и репрезентация насильника в «Саге об Адонии» (*Adonias saga*) (*Matthew Roby*). Мария Новотна рассматривала изображение эмоций в сагах — традиционно через описание физического состояния персонажа — как проявление связанности души и тела в восприятии средневековых скандинавов.

Было несколько докладов о рецепции культуры и книжности средневековой Скандинавии: об использовании образов и сюжетов из древнескандинавской культуры в современной массовой культуре, например, в японской манге на примере образа Вальгаллы (*Sayaka Matsumoto*) и Локи (*Tsukusu Jinn Itô*), во французской литературе XIX в. (*Pierre-Brice Stahl*) и даже в идеологическом дискурсе Нидерландов XIX в. (*Simon Halink*); о деятельности скандинавских антикваров XVIII–XIX в., в т. ч. об исландских и датских изданиях саг XIX в. (*Ciaran McDonough*) и об исландских антикварных изданиях пословиц и поговорок XVIII в. — в последнем случае *Кристина Шот* анализировала сборник пословиц Гюдмюндюра Йоуннсона, который, как показала Шот, неосознанно архаизировал собранные им современные ему пословицы. В одной из секций был представлен доклад об использовании образов из древнеисландских саг в видеоиграх (*Лука Панаро*). Был также доклад об источниках уже упомянутого фильма Роберта Эггерса «Варяг» (*The Norseman*): *Томас Снрей* подробно проследил отражение сюжета о принце Амлете в разных традициях, рассматривая обширный круг источников от средневековых хроник (Саксон Грамматик) и до поздних исландских саг и фольклора. Отдельно стоит отметить доклады, которые рассматривали саги о древних временах как позднесредневековую рецепцию раннесредневековых событий. Так, *Адам Берштадт* показал, как описание пространств в «Саге о Вёльсунгах» (*Völsunga saga*) и «Саге о Рагнаре Кожаные штаны» (*Ragnars saga loðbrókar*), помещённых рядом в рукописи

конца XIV в., отражают современную этой рукописи идеологическую обстановку в Дании, что позволяет говорить о рецепции этих саг в восприятии читателя конца XIV в., а *Сабине Хейди Вальтер* анализировала «Сагу об Ингваре Путешественнике» (*Yngvars saga víðförla*) как культурную память о событиях шведского похода XI в. в Исландию XV в. «Сага об Ингваре Путешественнике» упоминалась на конференциях и в ином контексте: если Вальтер сосредоточилась на рецепции XV в., то в другом докладе *Аннетт Краков* привела аргументы в пользу более ранней датировки самого похода Ингвара, датировав его — вместо 1040-х — 1020-ми годами.

Можно также выделить отдельный блок докладов, посвящённых анализу языка и нарратива саг. Так, например, *Йонас Тирош* применил к анализу нарратива саг подход, взятый из исследований кинематографа, *Сюзанна Станковицева* предложила анализ структуры и композиции «Саги о Хитром Реве» (*Króka-Refs saga*), а *Торви Тулиниус* привёл пример того, как саги об исландцах дают представление об исландском обществе XIII в.: в докладе он сосредоточился на образе королевской крови в «Саге о людях из Лососьей долины» (*Laxdæla saga*); схожим образом анализировал «Сагу о Вёльсунгах» как источник взглядов исландцев XIII в. на брак и власть *Марио Маттин Паес*. *Евгения Воробьёва* рассматривала использование формул, связанных с насилием, в контексте интертекстуальных связей, которые могли возникать в памяти аудитории саги при встрече с подобной формулой; *Джонатан Хью* проследил мотив вновь обрётённых руки и кольца, связывающий несколько поздних рыцарских саг и саг о древних временах, а *Мария Кристина Ломбарди* — мотив сломанного хребта в сагах и в скальдической поэзии. На одной из секций была представлена серия лингвистических докладов о заимствованиях, прозвищах и географических названиях (*Merrill Kaplan; Bjarni Gunnar Ásgeirsson; Ilya Sverdlov*), а на другой *Хойкур Торгейрссон* представил обзор современных стилометрических подходов к исландской словесности от саг до рим. Обсуждались также лексика переводных текстов (*Alicia Maddalena*), трансформация оригинала при его переводе (*Matthew Malone*), текстология переводных текстов на материале «Саги о Троянцах» (*Trójumanna saga*) (*Malo Adenx*). Были доклады о реконструкции сложения тех или иных саг: *Ульвар Брагасон* рассматривал гипотетические устные источники «Саги об исландцах» (*Íslendinga saga*), входящей в «Сагу о Стурлунгах» (*Sturlunga saga*), а *Ив Ленцин* предложил несколько аргументов в пользу составления «Саги о названных братьях» (*Fóstbræðra saga*) Ингимундом Эйнарссоном (1170) — его доклад вызвал бурную дискуссию, в которой Торви Тулиниус и Микаэль Мэйлс согласились с Ленцином относительно ранней датировке саги (XII в.), но не приняли идею об авторстве Ингимунда. Некоторые доклады были посвящены формам и поэтике древнесеверной литературы: *Йонас Веллендорф* размышлял о том,

почему в латинской средневековой традиции нет примеров, функционально похожих на древнеисландский *prosimetrum*; Даниэль Севбоге выступил против уже ставшего общим местом утверждения, что переводчики рыцарских романов в XIII в. при переводе пропускали все описания эмоций и проявлений субъективности в романах; Дэвид Нэ обратил внимание на место саги в жанровой теории Андре Иоллеса, автора труда «Простые формы». Несколько докладов было посвящено позднесредневековым литературным формам древнеисландской литературы, например, поэтике постсредневековых тул (*pulur*) (Yelena Sesselja Helgadóttir), нарративной функции способностей к магии в римах (Lee Colwill) или особенностям рецепции «Саги об Эгиле» в римах и сагах, на римах основанных (Nikola Macháčeková).

Византийским сюжетам было посвящено два доклада: об отражении путешествий Харальда Сигурдссона в сагах и в *Gamanvísur* (Erin Goeres), а также об образах вернувшихся из Византии исландцев, которые служили в варяжской дружине у византийского императора — Про Теилор предложил рассматривать их как ветеранов войн, и при всех сложностях такой перспективы, она даёт возможность увидеть некоторых персонажей саг по-новому, например, Гриса из «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» (*Hallfredar saga vandræðaskálds*).

Всего в нескольких докладах рассматривалась скальдическая поэзия сама по себе. Обсуждалась поэтика отдельных скальдов (Isobel Boles), типологические параллели к фигуре скальда (David Ashurst) и образ придворного скальда в сагах (Eirik Westcoat), описания исполнения вис в сагах (Ben Chennells; Inés García López); вариация в рукописной традиции скальдических вис (Kate Heslop); формульность в скальдической поэзии (Bianca Patria).

Большой блок докладов был посвящён разным аспектам, связанным с географией — как реальной, так и воображаемой — и с изображением природы. Часть сюжетов касалась пространств, далёких от Исландии и Норвегии: репрезентации циркумбалтийского региона и Византии как частей *Austrvegr* (Восточного пути) в сагах и в рунических надписях (Agni Agathi C. Papamichael); воображаемых пространств в сагах о древних временах (T. P. Rowbotham); нарративной функции географии в «Саге о Хрольве Пешеходе» (*Göngu-Hrólfs saga*) (Kathrin Chlench-Priber); эсхатологического описания скандинавов в прологе к историческому труду Адама Бременского (Lukas Gabriel Grzybowski); представлений о мореходстве и морской географии в мире саг и в среднеанглийской поэзии (Rebecca Drake). Часть докладов, наоборот, освещала сюжеты, связанные с представлениями о пространствах Исландии: Гисли Сигурдссон анализировал, как в «Саге о названных братьях» фиксируются местные маршруты, места торговли и власти, а Нофа Кнауфельд показала, как в композиции комплекса рукописей, относящегося к **Vatnsþyrna* и *Pseudo-Vatnsþyrna*, конструируется исландский ландшафт, что было значимо для

составителя изначальной компиляции, из которой эти рукописи происходят. Некоторые доклады были посвящены изображению ландшафта не только в сагах, но и в фольклоре. Так, *Маттиас Эгелер* представил материал из современного фольклора о различных географических местах в Исландии, которые часто соединяются у рассказчиков с героями саг, но при этом современное повествование очень сильно отходит от сюжетов саг (схожий процесс, но на примере анализа образа *badstofa* (сауны) отметила *Кейтлин Парсонс*, сравнивавшая соответствующие эпизоды в сагах и в фольклоре XVII в.); *Йонас Кёслинг* анализировал образ моря (*rán*) в скальдической поэзии, сагах и в фольклоре циркумбалтийского региона. В двух докладах саги рассматривались в популярной сейчас перспективе *animal studies*: в центре внимания обоих докладчиков были собаки и их репрезентация в сагах и в археологических находках (*Harriet Evans Tang; Ashley Castellino*).

Наконец, возвращаясь к теме, поднятой Нилом Прайсом в его лекции на открытии конференции, следует отметить несколько междисциплинарных докладов. Часть из них была посвящена рефлексии над перспективой, которая открывается перед исследователями саг при взаимодействии с методологией из другой дисциплины — например, при использовании количественных методов *Digital Humanities* (*Gregory Gaines*) или методов из арсенала музееведения (*Olivia Elliott Smith*); в одном из докладов данные археологии и письменных источников рассматривались через призму терминологии когнитивных подходов к истории религии (*Declan Taggart*). В центре внимания других докладов были элементы культуры Древней Скандинавии, к которым трудно прикоснуться только через одну дисциплину: так в исследовании тингов сочетаются данные ономастики, письменных источников и археологии на территории поселений эпохи викингов в Шотландии (*Alexandra Sanmark & Irene García Losquiño*), а при анализе символов эпохи викингов — археологические данные с письменными источниками и информацией из базы данных *Eitri* (*Katherine Beard*); археология также позволяет уточнить наши представления о процессе родов, дополнив его данные из саг (*Katherine Olley*). Вообще же, междисциплинарность была характерна и для многих докладов из упомянутых выше.

Дарья Глебова,
НИУ ВШЭ, Москва